

ВИКТОР ЕРОФЕЕВ

Хороший Сталин

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 821.161.1+82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е78

Ерофеев, В.

Е78 Хороший Сталин / Виктор Ерофеев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 337 с. — (Серия «Пальмира — мемуары»).

ISBN 978-5-517-10892-0

Виктор Ерофеев (р. 1947) вырос в семье дипломатов. В 1970-е годы окончил филологический факультет МГУ, затем защитил кандидатскую диссертацию. В 1979 году был исключен из Союза писателей за участие в скандально известном самиздатовском альманахе «Метрополь», что повлекло за собой запрет на публикацию текстов Ерофеева в СССР. Увидевшие свет в 1990-е годы произведения «Русская красавица», «Жизнь с идиотом», «Энциклопедия русской души» принесли автору славу писателя-постмодерниста со своеобразным юмором, который не чуждается гротескных образов (и крепкого словца!) в изображении загадочной русской души.

Настоящее издание — воспоминания Ерофеева-ребенка, заключенные в форму романа. Писатель создает лабиринт, в котором переплетаются проблемы отношений отцов и детей, политическая история Советского Союза, а также из первых уст (отец писателя был личным переводчиком Сталина) рассказывается о противоречивой роли Сталина в жизни страны и отдельно взятой семьи.

УДК 821.161.1+82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-517-10892-0

© Ерофеев В. В., 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

A mon père

1

В конце концов я убил своего отца. Одинокая золотая стрелка на синем циферблате башни Московского университета на Ленинских горах показывала минус сорок по Цельсию. Машины не заводились. Птицы боялись летать. Город застыл, как студень с людской начинкой. Утром, посмотрев на себя в ванной в овальное зеркало, я обнаружил, что волосы у меня на висках поседели за одну ночь. Мне шел тридцать второй год. Это был самый холодный январь в моей жизни.

Правда, отец до сих пор жив и даже по выходным до недавнего времени играл в теннис. Теперь, хотя и сильно постарев, он все еще сам косит траву электрокосилкой на дачной лужайке между кустов гортензий и роз, среди куш с детства любимого им крыжовника. Он по-прежнему водит машину, упрямо не надевая очки, чем приводит маму в отчаяние, а пешеходов — в ужас. Уединившись на втором этаже в своем дачном кабинете, в окна которого скребутся ветви высокого дуба, он долго, медленно, потирая волевой подбородок, что-то печатает на пишущей машинке (может быть, пишет книгу воспоминаний?), но все это, уже подробности. Я совершил не физическое, а политическое убийство — по законам моей страны это была настоящая смерть.

Можно ли считать родителей за людей? Я всегда в этом сомневался. Родители — непроявленные негативы. Из всех, кого мы встречаем в жизни, хуже всего мы знаем своих родителей, и именно потому, что мы их не встречаем, инициатива изначально захвачена «предками»: это они встречают нас. Пуповина не перерезана — мы состоим из них ровно настолько, насколько их невозможно понять. Коллапс знания обеспечен. Остальное — домыслы. Мы боимся увидеть их тело и заглянуть им в душу. Они так и не превращаются для нас в людей, оставаясь навсегда чередой впечатлений, не знающих своего начала, неустойчивыми чучелами-миражами.

Это — неприкосновенные существа. Наши суждения о них беспомощны, высосаны из пальца, построены на предвзятости, неизжитых детских страхах, борьбе совершенства с реальностью, оправдании неоправдаемого. Но и родители беспомощны перед нашей оценкой. Наша взаимная с ними любовь принадлежит не им и не нам, а инстинкту, заблудившемуся как в лоне матери, так и в лоне цивилизации. В этом инстинкте мы энергично ищем светлое человеческое начало, и мы не можем не мстить инстинкту за его слепоту своими глубоко-мысленными спекуляциями. Любовь под названием «отцы и дети» не имеет общего знаменателя благодарности, полна бесконечных обид и недоразумений, из которых рождается горечь запоздалого сожаления.

Родители — буфер между нами и смертью. Как и великие художники, они не имеют права на возраст; наш неизбежный бунт против них столь же биологически безупречен, сколь и морально мерзок. Родители — самое интимное, что у нас есть. Но когда семейная интимность расширяется до масштабов международного скандала, который ставит семью на порог выживания, как это случилось в моем доме, невольно начинаешь думать, вспоминать и анализировать. Я только сейчас наконец решил написать об этом книгу.

АНОНИМКА

Министру иностранных дел СССР, тов. А. А. ГРОМЫКО

Копия: АВСТРИЯ. ВЕНА. Представительство СССР при ООН. Послу В. И. ЕРОФЕЕВУ

Авиаписьмо, на конверте — три летчика (летчицы в шлемах), Герои Советского Союза: П. Осипенко, В. Гризодубова, М. Раскова. 40 лет беспосадочного перелета Москва — Дальний Восток. Почтовый штемпель: 31-1791840 (отправлено 31 января 1979 года в 18. 40), Москва, Почтамт, 9 цех.

Вторая копия (мне): МОСКВА. Ул. Горького — 27/29, кв. 30. В. Ерофееву

Авиаписьмо, на конверте — байкальский тюлень. Из серии: «Современная фауна СССР». Почтовый штемпель: 31-1791840, Москва, Почтамт, 9 цех.

Обратный адрес и фамилия, указанные на конверте, подложны. Орфография и пунктуация анонимного автора оставлены без изменений.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ МИНИСТР!

Думается, что из локального скандала, идущего сейчас в литературных сферах, обязаны сделать выводы и некоторые другие институты, имеющие отношение к борьбе двух социальных систем. В частности, МИД.

Подумать только: в семье глубоко «нашего» дипломата, имеющего безупречную идейную репутацию, вырос подлинный подонок, который пишет непотребные сексуально-патологические рассказы, а теперь выступил в качестве составителя и одного из авторов подпольного альманаха,

имеющего явную антисоветскую направленность. А рассказ Виктора Ерофеева, действие которого разворачивается в общественной уборной, под которой следует-де понимать наше общество, и вообще прецедент небывалый!

<... > И пока в литературных кругах идет разбирательство, каким образом молодой человек, не имеющий ни одной собственной книги, попал в члены Союза советских писателей, не следует ли подумать о том, что странных своих идей он нахватался за рубежом, где находился и теперь оказывается часто вследствие служебного положения своих родителей? Не думаем, чтобы он был напрямую завербован, но одно почти несомненно: вражеская идеология прямым путем запа-ла в его голову!

<... > Идет сейчас много разговоров о том, что родительские связи помогут этому классовому отщепенцу выпутаться из истории, в которой он пока ведет себя предельно нагло и без намеков на какое-либо раскаяние. Было бы очень прискорбно, если бы высокий авторитет родителей спустил бы это политическое дело, близкое к срепетированной диверсии, как говорится, на тормозах. Наоборот, представляется крайне важным на примере этого прискорбного дела провести воспитательную акцию и в пределах самого МИД, дабы все другие задумались, к каким последствиям может привести родительская либеральность и отсутствие всесторонней бдительности к вопросам... (Вторая страница письма в обеих копиях отсутствует.)

Может быть, я — самый свободный человек в России. В сущности, это незначительное достижение, особой конкуренции в этой области не наблюдается. Все соревнуются в других измерениях. Что делать со своей свободой, я не знаю, но она мне дана как ясновидение. Как-то так получилось, что я оказался вне всяких чинов, регалий, конфессий и премий. Я считаю, что мне повезло. У меня нет ни началь-